

Лимонов Эдуард. Я не хочу быть простым человеком: сборник. — М. : Альпина, 2026. — 536 с.

ПРИШЛО ВРЕМЯ публикации дневников и эпистолярного наследия Э.В. Лимонова. С сохранностью дневников всё не так печально, а вот письма, рассеявшиеся по разным странам, осели в частных архивах, продаются на аукционах или утрачены.

В новой книге, охватывающей период жизни писателя с 1971 по 1982 год, основное место занимают его дневниковые записи с 6 июня по 27 декабря того же года и ранние тексты. После эмиграции он разделил рукописи между своими друзьями Вагричем и Ириной Бахчанян, литературоведом и славистом Ильёй Левиным. Они сохранили материалы, переданные затем в библиотеку Хесбурга Университета Нотр-Дам (Индиана, США) и архив Центра российской культуры при колледже г. Амхерст (Массачусетс, США).

Нервный и нервный текст — не самое лёгкое чтение. Много эмоций, некоторые записи сделаны подшофе, и неподготовленному читателю непросто "переплыть" через "поток сознания". В текст, чтобы его почувствовать, действительно нужно "нырять". Зато, если сумеет правильно подойти к источнику, из него можно извлечь многое. Конечно, филолог, историк и "простой читатель" будут пользоваться разным инструментарием, а их выводы могут разниться. О чём читатель спросит, то он и услышит.

Что такое дневник Лимонова — исторический источник (субъективный, как любой источник личного происхождения) или намеренное свидетельство? С точки зрения обилия упоминаний как именитых, так и никому не известных людей, подробностей повседневной столичной жизни, описаний творческой богемы и прочего — это ценный материал для историка. Но прежде всего — источник для биографов Лимонова, уже тогда творившего свою легенду. Он и реальный человек, и персонаж собственной книги: "Я всё время вижу себя со стороны. Я отношусь к себе как "он". Всё "он" — я так привык, так привык... мне

страшно". "Что за странная фамилия? Следы её теряются. Помнится, я сам её себе присвоил. Она сразу имела надо мной власть. И я стал поступать согласно её законам. И она сделала меня Лимоновым. И теперь я он".

Дневник полон экзистенциальных переживаний. Через записи происходит "процесс выяснения себя". Автор рефлексировал, рыдает, испытывает суицидальные порывы, сомневается в собственной маскулинности и т. д. Много юношеского максимализма и бальности. Есть детальное изложение эмоций и поведения, которые скорее свойственны влюблённому подростку, чем мужчине, приближающемуся к своему тридцатилетию.

«ВЫЯСНЕНИЕ СЕБЯ»

Но не только рефлексия и страдание занимают автора. Он ищет свой путь в жизни и творчестве: "Думал о том, что сам выбрал такую жизнь и что пенять не на кого. И что она хороша, такая жизнь, и можно прожить мне несколько жизней..." Нежелание быть как все дополняется обдумыванием долгосрочного плана, как этого добиться. Импионируют упорство в достижении поставленных целей, цепкий и наблюдательный взгляд. Лимонов развивается, в том числе и под влиянием Шаповой.

Страсти, бушующие в душе поэта, не могут одолеть холод мира, ощущаемый творческой личностью. "Больше всего чувствуешь, что холоден мир становится", — диктовал В.В. Розанов незадолго до смерти. Вот и Лимонов ищет в холодном мире тепло, в том числе и женское, плотское, когда "нам не будет холодно утром зимой". Интересно исследовать пересечения Лимонова с Розановым. Думаю, найдётся их больше, чем может показаться на первый взгляд.

Ещё мне увиделось пересечение с "Инойей" Сергея Есенина: "Не сойду завтра с места и распоясаюсь, распишусь на полземли, на всю Валдайскую возвышенность, на деревни и ручьи, на дома, над лесами..."

Я не правдоискатель — я нашедший правду. Если я огромный тенью купаюсь в реке — вокруг всходят деревни и передвигаются поля".

Обращу внимание на подробные записи снов в дневнике. Иногда — снов кошмарных: "Приснилось, что у кровати выросли деревянные руки и душат меня за горло".

Многое остаётся за страницами дневника. Жаль, что не раскрыто содержание беседы с друзьями, когда шёл "спор о Марксе, о действительности, о нас самих, о том, что делать". Лимонов много читает, а также смотрит не только прокатные, но и недоступные для большинства советских граждан фильмы ("Бонни и Клайд", "Гибель богов" и др.). Его интере-

сует культурная жизнь, однако подробных размышлений о поэтах, художниках и фильмах в дневнике нет. Они будут сформулированы уже потом. Кажется даже, что молодой Эдуард пытается преодолеть свою "книжность".

ADUATIUR ET ALTERA PARS! Рекомендую читателю ознакомиться с воспоминаниями Елены Сергеевны Шаповой де Карли ("Эдуард Лимонов: письма любви". М., 2024) и сравнить её взгляд на те события, которые описаны Лимоновым. Первое знакомство. Подвыпивший Эдуард задевает ногой стол, и коллекционная посуда "летит в другой мир":

"И опрокинул кривоногий столик, Фарфора плач, Бокалы треснули со словом "Алкоголик". Зарделся от стыда..."

— Не волнуйтесь, — говорю я. — Это всего лишь фарфор. Он не более хрупок, чем чья-то человеческая жизнь..."

Тайное проникновение на территорию дачи возлюбленной в Томиллине. Вечер. Темнота. Лимонов перелез через забор, прятался под машиной, под-

Троицкая Валерия. Топь. Петербургский роман. — М. : АСТ ; Редакция "КПД", 2026. — 320 с.

ВНЕЁ невозможно не влюбиться. Говорю про автора и её героиню. Уже по дебютной книге Валерии Троицкой "Донецкое море" было понятно, что в литературу пришла личность, у которой есть все основания для того, чтобы стать нравственным камертоном. Ни капли лжи, ни капли лицемерия.

Ведомая внутренним светом, придающим крепость человеческой натуре.

Гнут того, что гнётся. Троицкая не гнётся. Не идёт на сделку. Она непреклонна, но при этом хрупка, нежна, чувствительна. Всё как положено человеку без кожи. Сейчас это практически невозможно. Спасительна толстокожесть. Валерия Троицкая опровергает всё это, противопостав-

ИЗГНАНИЕ ЛЖИ

ля циничному и подлому нежностью и искренностью. Это её главное оружие, с ним она выходит на очень тяжёлый и предельно откровенный разговор о нравах нашей культурной среды. О нравах, которые сложились в постсоветской России и всё больше у нас ассоциируются с подлыми временами. Нравах, основанных на отрицании всего отечественного.

Это ржавчина, обернувшаяся чёрным квадратом в дни начала СВО. Или топь. Впрочем, "Топь. Петербургский роман" Валерии Троицкой в первую очередь не разговор о нравах. Здесь человек — живой, настоящий, искренний, цельный, страдающий, откровенный, без камня за пазухой. Он весь как на ладони. И это очень большая редкость для современной литературы, где человека как раз и не сыскать. Вместо него зачастую — антропоморфная схема, послание, жест или пустота. А порой — нечто настолько аккуратно выведенное, что не придерёшься, но лукавство конструкции понимаешь очень быстро.

Вот и не вспоминаешь их, персонажей. Тени, декорации, манекены.

У Троицкой всё вовсе иначе. Её Карина... Этот образ с первых страниц действительно делает разговор предельно достоверным. Думаешь о ней, представляешь её, а перед глазами "Летят журавли". Обаяние, красота, сила этого киношедевра чувствительна уже и в "Донецком море" Троицкой.

Море. А тут такая бездонная и необъятная человеческая личность, что дух захватывает. Так что хочется просто молчать, хочется слушать, смотреть и любоваться, сопереживая. Героиня книги, "так мало жившая в мире внешнем, со всеми его громкими новостями и тихими трагедиями, всё равно чувствовала и несла внутри себя беду своего народа — в 1991 году обманутого, а потом поодиночке растерзанного".

Что противостоит? Те самые морок, пустота и имитации. Подложное и вывернутое наизнанку, система лжи и круговой поруки ("рука руку моет"), стайные инстинкты — та самая топь. И где-то рядом постоянно присутствует Гоголь. В том числе его "свинные рыла вместо лиц" в финале "Ревизора". Жёстко? Да. Но иначе нельзя, только так можно всё выправить или надеяться на исправление.

Эффект книги и создаётся на контрасте, где, с одной стороны, чистота, неподдельная человеческая искренность и светоносность, а с другой —

души мёртвые, превращённые в коллективную свиту Вия, несущие замогильный холод и ложь, создающую систему ловких подмен и подтасовок.

РОМАН — прекрасное исследование современной отечественной культуры и путеводитель по ней. Разговор в основном идёт о театральной сфере, но всё сказанное в полной мере применимо и к литературе, и к кинематографу. Речь о системной болезни, и хочется надеяться, что она не летальная, что топь не утнет на дно и всю страну, сделав её безвольной, безразличной, потерянной, утратившей ориентиры и ценности. Подобное происходило и в советскую перестройку, став предзнаменованием катастрофы, и в начале прошлого века, когда среди шумного бала старались до последнего не замечать происходящих процессов, пока их последствия сами не вышибли дверь.

Книга Троицкой имеет все шансы на то, чтобы стать не только настольной, но и объединительной для всех желающих что-то предпринять, что-то изменить в отечественной культуре, для тех, кто пытается вывести её из морока. Без этого объединительного начала сделать что-то едва ли будет возможно, ведь противостоит необычайно сплочённая и мотивированная стоголовая сила, которая десятилетиями ощущала себя культурной властью. Она таковой и была, яростно выпатывая любую конкуренцию, — сила,

создавшая свою прочную инфраструктуру, систему социальных связей и зависимостей, свой особый ритуал и идеологию. Она и сейчас нигде не ушла, нигде не бежала. Продолжает владствовать, манипулировать и умертвлять души. С мимикрией и чувством самосохранения у неё всё в порядке.

Главный постулат этой силы также проговаривается в книге: "Внутри всё сгнило так, что смердит... И мы лезим прямиком в пропасть". До этого подобное утверждение звучало в романе Захара Прилепина "Санька", в книге Юрия Бондарева "Бермудский треугольник", где также шла речь о противостоянии катастрофическим процессам. Эта идеология пустоты, идеология отмены России, оказавшаяся в основе всей культурной деятельности и породила ту самую топь.

Сейчас появился шанс всё исправить — призрачный и малый: все обстоятельства свидетельствуют против, всё говорит о том, что подлое и подложное останется и дальше в своих правах, что "только сквозняк и зияющая чёрная дыра" будут и впредь умножать пустоту и обращать всё в ничто. Но история проявила себя, она и стала союзником, она и дала шанс.

В героиню Валерии Троицкой с её "удивительной нежностью" влюбляешься сразу. Этой нежностью она необычайно сильна, как тот праведник, без которого не стоит город. Она не плакальщица, а скорее воин. Она восстала против окружающей топи и приняла удар на себя.

В книге фигурирует имя прекрасного питерского литератора и публициста Дмитрия Орехова. Собственно, в своё время он и научил меня понимать современное театральное искусство. В середине нулевых группу молодых литераторов привезли в московский ТЮЗ на спектакль "Гроза". В какой-то момент на сцене совершенно немотивированно принялись рубить иконы. Дмитрий повёл нас из зала. Потом мы долгое время стояли в холле, эмоционально обсуждали, возмущались. Когда уже в антракте из зала высыпали зрители, некоторые сочувственно на нас смотрели как на профанов, ничего не понимающих в театральном искусстве. Советовали идти на традиционные классические постановки, здесь же — новое слово и видение, которые ещё надо осмыслить и понять, но такое не каждому даётся...

Не помню, что говорил тогда Дмитрий, но ему вполне подошли слова Карины из романа: "Это же подлог, намеренный подлог, разве ты сам этого не видишь?"

Книга Валерии Троицкой даёт эту способность видеть суть и изгоняет ложь.

Андрей РУДАЛЁВ

СВЕТ ПОСЛАЕ БОЛИ

Бугрышева Ирина. Радио Паша. — М. : АСТ ; Редакция "КПД", 2026. — 416 с.

Выходит новая книга Ирины Бугрышевой, автора повести "Я трогаю войну руками", в которой она описала свою работу в качестве волонтера-массажиста, помогающего раненым бойцам, и рассказала о некоторых из своих многочисленных друзей-пациентов. "Радио Паша" буквально вырастает из предыдущей книги, продолжая повествование и приобщая читателя к истории каждого раненого бойца, о котором пишет Ирина. "Я буду спокоен, буду объективен", — обещал я себе, открывая текст, пока не дошёл до слов:

"Тю!" — это голос из Таганрога. Нет, не так — Таханроха. "Тю!" — это голос мальчишек из моего детства..."

Нет, врать не буду, в Таханрохе я не был, и мальчишки в Кузбассе не токали на южнорусский манер. Но всё равно — и для меня это голос детства. Мне чудится порой, что я прекрасно знаю все эти интонации. Голос крови. На родине бабушки — в Тавричанке, что под Омском, основанной в начале XX века выходцами из Таврии, — кажется, до сих пор говорят с таким же говором. Ну, лет двадцать назад, когда я там был единственным раз, говорили. И родня тамошня говорит. Таганрог, Таврия — по меркам империи, считай, земляки... Я услышал это "тю", и оно меня зацепило, поволокло, понесло...

"Тю!" — это вызов жизни. И не с таким справлялись. Что уж тут. Тю!.."

Знаете, в последнее время мне попадалось много книг об СВО, в том числе написанных участниками боевых действий. Это были мужские тексты о мужчинах на войне, где нельзя давать волю эмоциям, где страх и боль — всего лишь спутники, упакованные вместе с индивидуальным боекомплектom, тяжесть которого каждый несёт и выносит сам, где смерть — спутница, враг, рутина, работа...

Пацаны за тебя делают грязную работу...

С "Радио Паша" история другая. Это книга Женская. Именно так, с большой буквы. Книга Русской Женщины, что ждёт. Не просто ждёт, но ждёт деятельно, ежедневно выполняла другую, по-своему грязную, по-своему трудную, но столь же важную работу. Книга Русской Женщины о Русских Воинах, о тех, кто — пусть на несколько мгновений — вырвался, хотя бы физически, оттуда — сюда. И о тех, кто не смог.

смастивал в окна. Лай собак. Обнаружен! Муж Елены, Виктор Шапов, вводит в столовую "грязного и мокрого Лимонова". Нежданного гостя ведут умыться, дают чистую одежду, оставляют ужинать.

Интересен эпизод с покупкой шампанского, которое часто фигурирует в дневнике (хотя есть там жалобы на голод и безденежье, скрупулёзная фиксация того, какие продукты купили, сколько денег потрачено и т. п.). Елена вспоминает: "Мы отправлялись в маленький ресторан напротив твоего дома и всегда покупали неизменные две бутылки поэтического вдохновения."

Однажды шампанское в магазине кончилось. — Кроме вас, его никто и не пьёт, — сердито отрезала продавщица.

А наше недоуменное возмущение росло... Нам это казалось невероятным. — Завтра, завтра приходите, — уже утешала нас продавщица; и как всегда, уже тише, при выходе — коронная фраза: "Ходят тут всякие".

Воспоминания Шаповой (при наличии в них колкостей в отношении Эдуарда) не такие резкие, как мемуары и впервые опубликованные в 2025 году неотправленные письма Наталии Медведевой к мужу Лимонову в Лефортово. Однако, на мой взгляд, именно Медведева, в отличие от Шаповой, состоялась как личность и писатель вне Лимонова. Она не проиграла в борьбе женщины "за право быть собой рядом с человеком, который привык превращать всех окружающих в персонажей собственной литературы", как справедливо отмечалось в рецензии В. Лебедева.

Интересны авторские размышления о государстве, интеллигенции, народе, личности, а также оценки И.В. Сталина. Многие из этих набросков предстанут в законченном виде на страницах книг "Дисциплинарный санаторий", "Убийство часового" и др.

Без исторического контекста события и персонажи книги не всегда будут понятны современному читателю. Радуют познавательные и подробные комментарии Даниила Духовского, хотя их можно было бы дополнить.

Александр РЕПНИКОВ

Бондаренко Владимир. Поэты XX века. Портреты, судьбы, люди. — М. : Вече, 2026. — 480 с.

ИЗДАННОЕ "Молодой гвардией" в малой серии "ЖЗЛ" жизнеописание Игоря Северянина (2018 г.) с тем пор значилось последним пунктом в библиографии известного отечественного литературного критика Владимира Григорьевича Бондаренко. И вот в год 80-летия автора издательство "Вече" выпустило в свет его новую книгу, рассматривающую феномен русской поэзии XX века уже не через призму "поколения 1937 года" или "последних поэтов империи" (пока тоже последней — советской, разумеется), а в контексте всего прошедшего столетия и даже с выходом за его хронологические пределы: Константин Константинович Случевский родился в 1837 году, а многие из героев этой книги здравствуют и поныне.

Да, "большое видится на расстоянии" (Сергей Есенин). А, пожалуй, самое большое, беспспорное, что смог увидеть своими глазами и показать всем читающим Владимир Бондаренко, — это всемирно-историческое значение русской культуры XX века в целом и русской поэзии как её неотъемлемой части, несмотря на все попытки зарубежных и доморощенных адептов "общечеловеческих" (читай — глобалистских, западных и античеловеческих) ценностей такое значение преуменьшить или вообще "умножить на ноль" в логике движения через "юкна Овертона" с целью превратить якобы переводную, сверхпрогрессивную концепцию "культуры отмены" в концепцию "отмены культуры", вплоть до Леонардо да Винчи, Микеланджело, Шекспира, Сервантеса, Гёте и других гениев прошлого. Как уж говорить о культуре советской и русской? К счастью, подобная,

ФАКТОР ЛЮБВИ

равносильная экзаназии человечества, программа по его превращению во множество нулей, пригодных для любых операций в "цифровом концлагере будущего", миром принята не была, и решающую роль здесь сыграла наша страна. В том, почему так произошло, наверное, придётся разбираться ещё долго, но этот выбор, полагаю, был сделан благодаря самому строению русской души, во многом сформированному и выраженному в нашем языке через поэзию и поэтов, в том числе XX столетия, фактически вплоть до наших современников. Так, воздух, без которого вообще невозможна наша жизнь, чаще всего незрим и неосязаем для нас, но... Та же поговорка "Кто сеет ветер, пожнёт бурю" появилась не в пустоте, не в "безвоздушном пространстве". И опорой для полёта — хоть птиц, хоть самолётов — служит тоже воздух. И он же — родная стихия для человеческой речи, для любого языка.

Даже третий ряд нашей литературы XX века вполне бы устроил многие европейские страны... Собаки лают, а караван русской литературы, поэзии в том числе, идёт себе вперёд и этого лая совсем не замечает", — написал автор. Нужно ли уточнять, что в таком случае эти страны и не были бы "европейскими", а сегодня, так сказать, вместо собачьего лая как раз имели бы возможность общаться с нами по-человечески? Но что есть, то есть.

У Гомера волшебница Цирцея (Кирка) превратила спутников Одиссея (Улисса), вместе с ним прошедших все испытания Троянской войны, в свиней — не осуществляет ли современный глобализм с обществами и государствами Запада (и с нашими нынешними "украинскими неграблями") что-то подобное?

ПАМЯТЬ о собственной истории и культуре, ценностях и традициях, включение этой памяти в настоящее народа, страны и всего мира, её оживление и продолжение в собственном творчестве — разве не в этом состоит призвание настоящего человека, и в особенности поэта? Владимир Бондаренко на страницах своей книги представляет нам щедрую горсть непохожих друг на друга поэтических самоцветов русского XX века, не ограничивая свой выбор ни общественно-политическими, ни эстетическими предпочтениями. "Конечно, как заядлый русский патриот, я мог бы составить список лучших, исходя лишь из своих идейных воззрений. И это тоже был бы достойный список: от Александра Блока и Николая Клюева до Николая Рубцова и Юрия Кузнецова. Но надо ли осознанно обеднять русскую поэзию? Это же всё — достояние нашего Отечества. Это — лики нашей культуры во всём её многообразии", — данной "самоустановке" критик честно постарался следовать, находя место среди своих избранных и "флюгерному" Евгению Евтушенко, и "аполитичной" Белле Ахмадулиной, и нобелевскому лауреату (знак "всемирного" признания Западом же!) Иосифу Бродскому.

Было бы очевидным преувеличением утверждать, будто Владимир Бондаренко в своих оценках абсолютно беспристрастен, но он — чего уж точно не отрицать — пишет о том, что знает и любит. "Сам я стал литературным критиком, скорее всего, из любви к талантливой прозе. И к поэзии", — утверждал он. А любовь, настоящая любовь, не может быть фальшивой. И рецензируемую книгу, собранную из авторских статей разных лет, мож-

Станислав Куняев, Анатолий Передреьев и Вадим Кожинов в «рубцовских» местах. Берег реки Сухоны, 1985 год.

но считать подтверждением заявленного "фактора любви" к звучащему по-русски поэтическому слову. И есть надежда на то, что эта авторская история отече-

ственной поэзии XX столетия ещё будет иметь продолжение и развитие.

Георгий СУДОВЦЕВ